

Лишь серая канцелярская крыса, засунувшая эмоции в анус,
не способна оценить прелесть русской матерной поэзии.

Эли Бардеништейн, газета «Маарив»

Лука в переводе на иврит Мудищев

Заказ книги: www.lulu.com/content/158007

Lulu

Иван Барков ■ Шауль Резник

ЛУКА
МУДИЩЕВ

в переводе на иврит

текст снабжен транскрипцией и подстрочником

Иван
Барков

Шауль
Резник

Предисловие рецензента

Я хотел, блядь, вам сказать, что пиздец. В последнее время люди стали мало читать книги. Пиздец, раньше все читали всяких там Львов Толстых, Маминов-Сибиряков, Гаршинов, Достоевских и Набоковых.

Вот и в Хуйфе у нас был клуб пенсионеров-поэтов. Читали там другу другу стихи типа:

Милый друг мой Вася, я тебе сдалася.
В родном Израиле с тобой я пооблася.

или

Наконец я приехал в Израиль,
Жаль, что мозг свой в России оставил.

Так вот, в один прекрасный день пришли, сука, архаровцы и замели весь этот клуб из семи залуп по причине неуплаты за помещение.

А вот был писатель Шукшин. Совесть советской деревни. Ни хуя про залупы не писал. Все больше про евреев намекал да христианских младенцев. Однако ж, блядь, КГБ его убил. Инфарктным газом.

Сейчас вам предстоит прочесть роман Баркова про хуи и пезды в переводе Шауля Резника. Я сам не поклонник Баркова, а поклонник Сэмюэля Беккета. Беккет тоже имел хуй, но, конечно, меньше, чем у Луки Мудищева. Поэтому современному человеку важно знать все про Мудищева. И желательно на иврите. От этого беспесды растет хуй.

Какая связь, вы спросите? А включите мозги, да и поймете, ры-гы-гы-гы-гы-гы.

Леха «Тангодансер» Сапожников

Предисловие переводчика

Режиссер Александр Стефанович, один из мужей А. Б. Пугачевой, сказал: искусство – это когда ты делаешь не то, что делают другие. Поэтому вместо того, чтобы переводить серьезных русских поэтов, я взялся за Баркова.

«Лука Мудищев» был выбран для работы не только из-за содержания, но и из-за формы. Да, это скабрёзное произведение, неприличное, но... с подвывертом. Со скрытыми цитатами из классиков, с описаниями традиционного московского быта. «Мудищев» построен на том же принципе, что и произведения современных представителей соц-арта: берется внешняя форма, в данном случае, форма любовного романа, и в нее втискивается абсолютно неподобающее, несерьезное содержание.

По мере продвижения ивритская версия «Луки Мудищева» публиковалась и обсуждалась в «Живом журнале»: (www.livejournal.com/~shaulreznik/350635.html). Особых проблем при переводе не возникало. Хотя, пожалуй, названия мужских и женских половых органов в сочетании с многочисленными русскими суффиксами вызывали известные затруднения. Их удалось преодолеть – консультации пользователей «Живого журнала» очень помогли. В частности, поэт Иона Гонопольский предложил адекватное название романа: «Лука Бейцович», от *бейци́м* – яйца.

Шауль Резник

Алфавит иврита

א	алеф	ט	<i>t</i>	тет	פ	<i>n</i>	пей
ב	<i>b</i>	י	<i>y</i>	йуд	ף, פ	<i>ph</i>	фей
ב	<i>v</i>	כ	<i>k</i>	каф	ץ, צ	<i>ts</i>	цади
ג	<i>g</i>	ח	<i>x</i>	хаф	ק	<i>k</i>	куф
ד	<i>d</i>	ל	<i>l</i>	ламед	ר	<i>r</i>	рейш
ה	<i>h</i>	ם, מ	<i>m</i>	мем	ש	<i>sh</i>	шин
ו	<i>v</i>	ן, נ	<i>n</i>	нун	ש	<i>s</i>	син
ז	<i>z</i>	ס	<i>s</i>	самех	ת	<i>t</i>	тав
ח	<i>x</i>	ע		аин			

◌	<i>a</i>	камац гадоль	◌	<i>i</i>	хирик мале
◌	<i>a</i>	патах	◌	<i>i</i>	хирик хасер
◌	<i>a</i>	хатаф-патах	◌	<i>o</i>	холам мале
◌	<i>ə</i>	цере мале	◌	<i>o</i>	холам хасер
◌	<i>ə</i>	цере хасер	◌	<i>o</i>	камац катан
◌	<i>ə</i>	сеголь	◌	<i>o</i>	хатаф-камац
◌	<i>ə</i>	хатаф-сеголь	◌	<i>u</i>	шурук
◌	<i>ə</i>	шва	◌	<i>u</i>	кубуц

Пролог

אתן – הנשואה עדן, О вы, замужние, о вдовы,
האלמנה, הבתולה, О девки с целкой наотлет!
הרשו לי להגיד תחלה Позвольте мне вам наперед
על זיונים מלה או שתיים. Сказать о ебле два-три слова.

בסבלנות להזדווג יש, Ебитесь с толком, аккуратно,
כמוין מזדמן מגביר ת'רגש, Чем реже еться, тем приятней,
אך אל לגברת להסכים Но боже вас оборони
לזיונים בלתי פוסקים: От беспорядочной ебни!

בגלל תשוקה לא מרסנת От необузданной той страсти
תדעי הרבה צרות וסבל, Пойдут и горе и напасти,
ולא תהיי עוד מרצפה И не насытит вас тогда
מאחה זין ממצע. Обыкновенная елда.

*Atén, a-nesuá adáin, a-альманá, a-бетула́, arshú li leagíd tghilá
аль зиюни́м милá о штáим. Бе-савлану́т леиздавэг ýesh, стущ
миздамéн магбúр та-рэгеш, ах аль ла-звéрет леаскíм ле-зиюни́м
бильтí-поскíм. Биглáль тшукá ло-мерусéнет тед'í арбé царóт ве-
сéвель, ве-ло тийí од меруцá ме-ýize зáин мемуцá.*

Вы – замужняя еще, вдова, девственница, разрешите мне сказать сначала о ебле слово или два. Терпеливо спариваться следует, перепих подвернувшийся усиливает чувство, но нельзя госпоже соглашаться на еблю непрекращающуюся. Из-за страсти необузданной познаешь много бед и страдания и не будешь более довольна каким-нибудь хуем среднестатистическим.

אֲשֶׁרֵי כֹּל מְעוֹן אֶעִיר-גִּיל,	Блажен, кто смолоду ебет
וְזָקֵן – אִף יַחֲרֹבֵן בְּנַחַת,	И в старости спокойно серет,
כֹּל מִי שֶׁבִּשְׂתֵּיהָ רָגִיל	Кто регулярно водку пьет
וּמִסְרֵב אֲשֶׁרֵי לְקַחַת.	И никому в кредит не верит.
עַם מִיֵּן נְשֵׁי הַיְמִיב הַמְּבַע,	Природа женщин наградила:
נָתַן לָוּ אֲשֶׁר וּתְבוּנָה,	Богатство, славу им дала,
בֵּין הַרְגָּלִים חוֹר נֶקֶב הוּא	Меж ног им шелку прорубила
וּבָשֶׂם בּוֹם אוֹתוֹ בְּנָה.	И ту пиздою назвала.
אִשָּׁה רוֹאָה בּוֹ מִיֵּן בְּסֻפָּת	Она для женщины игрушка,
(לְכֹן לְחוֹר זֶה בּוֹם קוֹרְאִים),	На то название ей пизда,
אֲשֶׁר רְבִים בְּפָנִים אוֹסְפָת	И как мышинная ловушка,
דְּנִמַּת מְלֻפְדָּת עַכְבָּרִים.	Для всех открытая всегда.

Ашрей коль мезаён у'ир-гиль: язкин, аф йехарбен бе-нахат. Коль ми ше би-штия рагиль у-месарев ашрай лакалат. Им мин наши эйтив а-тева, натан ло бшер у-твуня. Бейн а-раглаим хор никев у у-вешем кус отб кина. Иша роа бо мин касефет, лахен ле-хор за кус кор'им, ашер рабу'им бифни'им осефет дугмат малкодет ахбар'им.

Блажен всякий ебарь младовозрастный: состарится, также будет срать в удовольствии. Всякий, к питью привыкший и отказывающийся кредит брать. С родом женским хорошо поступила природа, дала ему счастье и разумение. Между ног дыру просверлила она и именем «пизда» его нарекла. Женщина видит в ней эдакий сейф, поэтому дыру эту пиздой называют, она многих внутри собирает по примеру ловушки для мышей.

מוֹשֶׁךְ אֵלָיו הוּא מְבַל עֶבֶר	Она собой нас всех прельщает,
וְאַהֲבָה רַבָּה קוֹמֵף.	Манит к себе толпы людей,
הַיָּצוּן הַמִּסְכֵּן דוֹאֵה בּוֹ	И бедный хуй по ней летает,
כְּמוֹ נְחִילֵי אֵלֵי בְּמַרְתָּף.	Как по сараю воробей.

Mošéx élav y mi-kól éver ve-aadá rabá kotéφ. A-záin a-miskén doó bo, kmo nachilémi ba-martéφ.

Привлекает она к себе со всех сторон и приязнь великую собирает. Хуй несчастный планирует по ней, как воробей по подвалу.

I

בְּבַיִת בְּמוֹקְקָה הַקֶּרֶת Дом двухэтажный занимаая,
בֶּן שְׁתֵּי קוֹמוֹת חַיְתָה מִבְּבֶר В родной Москве жила-была
בְּאַלְמָנוֹת עֲלֵמָה סוֹחֶרֶת Вдова – купчиха молодая,
סְמוּקֶת פָּנִים, צְחוּרֶת צְנָאָר. Лицом румяна и бела.

וּבַעֲלָהּ זַ"ל, בְּשֵׁמֶת הוּא, Покойный муж ее мужчиной
הָיָה צָעִיר עוֹד וְחַמְבָּ, Еще не старой был поры.
אֶבֶל נִפְטָר בְּמָרָם עַת הוּא Но приключилась кончина
בְּגִין הַחֹר שְׁלֵאֲשֶׁתוֹ. Ему от жениной дыры.

נָשִׁים דְּגִדְדָנָן זְמַן הוּא, На передок все бабы слабы,
אָעִיד, בְּלֹא לֹאמֵר בְּדוּוֹתָהּ, Скажу, соврать вам не боясь,
אֶבֶל אַף פָּעַם לֹא רְאִינוּ Но уж такой ебливой бабы
רוֹדְפֶת זַיּוּנִים כְּמוֹתָהּ. Никто не видел отродясь!

*Be-báit be-Moskvá a-kéret ben shei komót xaitá mikvár be-
almenút almá soxéret, smúkat paním, uxorát cavar. U-vaalá
zaqá.ľ, kše-mét y, aiyá caur od va-xatób, aváľ nifvár betérem
эт y begín a-xor sheluštó. Naším dagdeganán zamín y, aíd, be-
lo lomár bđutá, aváľ af páam lo raínu rodéřet ziuním kmotá.*

В доме в Москве-городе двухэтажном жила давно во вдовстве девица-купчиха, краснолицая, белошея. И муж ее, да будет память праведника благословенна, когда умер он, был еще молод и статен, но скончался преждевременно из-за дыры жены его. Женщины – клитор их доступен, я свидетельствую, не рассказывая выдумки, но ни разу не видели мы гонящуюся за еблей, подобную этой [женщине].

אָפּלעל די פּעלעל פּעלעל
 די פּעלעל פּעלעל פּעלעל,
 די פּעלעל פּעלעל פּעלעל
 די פּעלעל פּעלעל פּעלעל.

Покойный муж моей купчихи
 Был парень безответный, тихий.
 И, слушая жены наказ,
 Еб в день ее по десять раз.

קוּרָה, שְׂאֵת רַגְלָיו גּוֹרֵר הוּא,
 כְּמוֹ פֶּגֶר לֹא עוֹמֵד הַשְּׂמוּק.
 הִיא מִתְעַלְמֶת וְגוֹעֶרֶת:
 הִיא דִּמְעָה, אָבֵל תִּדְפֹּק!

Порой он ноги чуть волочит,
 Хуй не встает – хоть отрубил.
 Она и знать того не хочет:
 Хоть плачь, а все-таки еби!

בְּפֶגֶר זֶה לֹא הִתְאַמֵּץ הוּא
 מִמְּשֻׁכוֹת. נִקְפוּ יָמִים –
 הָאִישׁ עָלָה לְמִרוֹמָיו,
 אֵין שָׁם לֹא זִיוּנִים, לֹא עֶצֶב.

В подобной каторге едва ли
 Протянешь долго. Год прошел,
 И бедный муж в тот мир ушел,
 Где нет ни ебли, ни печали.

*Эцла а-бааль а-манбаах айя бахур шакет, нинбаах. Лахен иштó
 алáв цивта колъ рега лезайен отá. Корé, ше-эт раглав горéр у,
 кмо пéгер, ло омéд а-шмóк. И мит'алéмет ве-гоóрет: азéль дим'á,
 авáль тидфóк. Бе-фéрех зé ло итамéц у мемушахóт. Накфу' ямíм
 – а-иш алá ла-меромíм, эйн шам ло зиюнíм, ло э́цев.*

У нее муж покойный был парнем тихим, спокойным. Поэтому жена его ему приказывала каждое мгновение ебать ее. Бывает, что ноги свои тащит он, как труп, не стоит пиписька. Она не обращает внимания и сердится: проливай слезу, но трахай. В этом рабском труде не прикладывая усилия он продолжительное [время]. Прошли дни – муж вознесся на небеса, нет там ни ебли, ни грусти.

הַאֲלֻמְנָה כָּלֵל לֹא הַשְּׂבִיחַהּ
 וְהַשּׁוֹקָה סוֹעֶרֶת לְמִצּוֹת –
 לְכָל כּוּוֹן לְתֵת הַתְּחִילָהּ
 לְבוֹדְדִים וְלְקַבּוּצוֹת.

Вдова, не в силах пылкость нрава
 И буйной страсти обуздать,
 Пошла налево и направо
 И всем, и каждому давать.

וַיִּגַּד אֹתָהּ זְקֵנִים לְאַלְלָהּ,
 גַּם עִם הַצְּעִירִים שָׂכְבָה לָהּ.
 מִי שָׂרוּחוֹ לֹא עֲצָלָהּ,
 בָּחַשׁ בְּתוֹךְ הַכּוֹס שָׁלָהּ.

Ебли ее и молодые,
 И старики, и пожилые,
 А, в общем, все, кому не лень
 Во вдовью лазили пиздень.

הַכּוֹס הַזְּעִינִים הָאֵלֶּה
 וְהַרְגִּימִים לְשִׁנְרָתָהּ.
 הַאֲלֻמְנָה כָּבֵד מִתְאַבְּלָתָהּ,
 בּוֹכָה, וְדֹמְעָתָה חֲדָה.

Всех ебарей знакомы лица,
 Их ординарные хуи
 Приелись ей, и вот вдовица
 Грустит и точит слез струи.

А-алманá клаль ло искíла тшукá соэрет лемацóт. Ле-холь киву́н латéт итхíла, ле-водедúм вели-квуцóт. Зийну́ отá зкенíм ле-А́ла, гам им а-цеирíм шахвá ла. Ми ше-рухó ло ацелá, бахáш бетóх а-кúс шелá. Афхú а-заянíм а-э́ле ве-зиргейэм ле-шигрatá. А-алманá квар мит'абéлет, бохá, ве-дим'атá хадá.

Вдова совершенно не сподобилась страсть бурную исчерпать. По всем направлениям давать начала, индивидуумам и группам. Ебли ее боже какие старики, также и с молодыми возлежала она. Тот, дух чей не ленив, помешивал в пизде ее. Стали ебари эти и члены их обычным времяпрепровождением ее. Вдова уже в трауре, плачет, и слеза ее остра.

<p>אֶפְלוּ שְׂמוּזִין רְגִיל לְקַבֵּעַ אֶתָּה מִכָּל אֶחָד נִבְצָר: לְזֶה יֵשׁ פִּין מְדֵי גְבוּהַ, וְלִשְׁנֵי – מְדֵי קֶצֶר.</p>	<p>И даже в еблишке обычной Ей угодить никто не мог: У одного – хуй неприличный, А у другого – короток.</p>
<p>וְהַשְׁלִישִׁי עִם פִּין זָעִיר הוּא, לְרְבִיעִי יֵשׁ אֲשָׁכִים מִמּוֹשׁ כְּמוֹ תְּבוּיֹת שֶׁל בִּירָה, וְהֵם בְּכּוּס שְׁלֵה מְכִים.</p>	<p>У третьего – уж очень тонок, А у четвертого – муде Похоже на пивной бочонок И больно бьется по манде.</p>
<p>עַל הַבִּיצִים הִיא דִּין גּוֹזֶרֶת: כְּמוֹ לְכָרִים, כְּלָל לֹא נִרְאוֹת, כְּשֶׁל שֶׁפֶן קָמֵן הַזֶּרֶג. כְּלוּמֵר, אֵין סוּף לְגַחְמוֹת.</p>	<p>То сетует она на яйца: Не видно, словно у скопца. То хуй короче, чем у зайца... Капризам, словом, нет конца.</p>

Afúlu stuц ragú.ľ likbba utá mi-kóľ éxág nivcár: la-ze ýesh pin midéý gavóa, vela-shení – midéý kacár. Vea-shliší im pin zaír y, la-revíý ýesh ašaxím mamásh kmo xavíýót šel bíra, ve-эм ба-хус шелá макúm. Аľ а-беіцú.ľ и din gozéret: kmo le-sarís, klaľ lo nir'ót. Keshéľ šafán katán а-zéreg. Klojár, éin соф la-gexámót.

Даже перепих обычный назначить с ней каждому было недоступно: у этого писюн слишком высокий, у второго – слишком короткий. Третий – с маленьким писюном он, у четвертого яйца прямо как бочонки пива, и они по пизде ее бьют. Яйцам она приговор выносит: как у кастрата, совсем не видны. Как у зайца, маленький член. Как говорится, нет конца капризам.

התפוננה במתרחש היא,
 עם אף אחד פָּכַר לֹא בְקֶשֶׁר,
 לְמִסְקְנָה בְרוּחָה אַחַת
 הִגִּיעָה תוֹךְ אֲמוּז מוֹחָה:

И вот по здравому суждению
 Она к такому заключению
 Не видя толку уж ни в ком,
 Пришла, раскинувши умом:

”עֲכָשׁוּ הָאֲנָשִׁים קְטַנִּים פֹּה,
 אִין עוֹד זְרָגִים, יֵשׁ זְרָגוֹנִים פֹּה.
 בֵּין פֹּה וְכֹה אֲנִי נוֹמָה
 לְמַצָּא לִי בְלִבּוֹל רַב מִדָּה.”

«Мелки в наш век пошли людишки.
 Хуев уж нет – одни хуишки,
 Но нужно мне иль так, иль смяк
 Найти себе большой елдак!

רוֹצָה אֲנִי חֲתָן גְּדוֹל זֶן.
 וּכְשֵׁי־דַפֵּק אוֹתִי סוּף סוּף,
 אֲזוּ הִתְעַדְדָּה הַשְּׁנַיִים,
 כְּמוֹ סְבִיבוֹן תְּחַתּוּ אֶפֶב!»

Мне нужен муж с такой елдою,
 Чтоб еть когда меня он стал,
 Под ним вертелась я юлою
 И зуб на зуб не попадал!»

Итбоненá ба-митрачéш и, им аф эхáг квар ло бе-кéшер, ле-масканá брурá эхát игúа тох иму́ц мохá: «Ахшáв а-анашím ктанím ко, эйн од зрагím, йеш зиргонím по. Бейн ко ве-хо, ани нотá лимцó ли бýльбуль рав мидá. Роцá ани хатán эголь зáин, ухшеעדфóк отí соф-сóф, азáу тирáдна а-шинáим, кмо севивóн тахтáв эсóв.

Поразмыслила над происходящим она: ни с кем уже не [находится] в связи. К выводу ясному одному пришла посредством напряжения мозга ее: «Сейчас люди маленькие такие, нет больше членов, есть членики тут». Что бы ни было, я склоняюсь [к тому], чтобы найти себе пипиську большого размера. Хочу я жениха большехуеого, и когда он трахнет меня в конце концов, тогда задрожат зубы, как волчок под ним заверчусь.

בְּשִׂוּיָא אֶת הַדְרִישׁוֹת סוֹפְרֵת,
לְשִׂכְנֵיִת אֵחָת קְרָאָה,
כְּדִי שְׂתִמְצָא לָהּ בְּמַהְרָה
בְּחֹרֵר עִם זֶן לְתַפְאֵרֶת.

И рассуждая так с собою,
Она решила сводню звать –
Уж та сумеет отыскать
Мужчину с длинную елдою!

*Kshei et a-drišót soferet, le-shachanít éxát kar'á, kdei she-
timúá la bim'érá ba'úr im záin le-tiféret.*

[В час.] когда требования она считает, сваху одну позвала, чтобы та
нашла ей вскоре парня с хуем на славу.

II

בְּפֶאתַי מוֹסְקוֹבָה בְּשֶׁקֶט
בְּקֶתֶה עִם חֲלוֹנוֹת עֲמֻדָה
בְּבִעֻלוֹת שָׁל הַתּוֹשָׁבֵת
מִמְרִיזֵנָה מִרְקוֹבְנָה, אוֹתָהּ

В Замоскворечье, на Полянке
Стоял домишко в два окна.
Принадлежал тот дом мешанке
Матрене Марковне, она

קָשִׁישׁוֹנֵת בְּיָמִים נוֹדַעַת,
שְׁבִתוּלָה הִיְתָה עֲדוֹן.
הִיא זֹוֹגִים זֹוֹגָה לֹא רַע
בְּשִׁדְּכָנִית שָׁל הַבִּירָה.

Тогда считалася сестрицей
Преклонных лет, а все девицей.
Свершая брачные дела
Столичной своднею была.

נְנִית, יֵשׁ אִשָּׁה סוֹחֶרֶת
פְּרִיכָה, אֲשֶׁר הִקְזֵן אִשָּׁה.
לָהּ מִרְקוֹבְנָה חַיֵּשׁ מִסְדֶּרֶת
בְּסִתֵּר עִם זֵין פְּנִישָׁה.

Иной купчихе – бабе сдобной,
Живущей с мужем-стариком,
Устроит Марковна удобно
Свиданье с ебарем тайком.

*Be-faatey Moskva be-sheket bikta im chalont amda be-vaalut
shel a-toшеvet Matrēna Mārkovna, otā kshishonet ba-yamim
nodat, she-betula aita adain. И зивугим зивга ло ра ке-
шадханит shel a-bira. Naniax, yesh uish soxeret prixa, asher
izkin usha. La Mārkovna xish mesaderet be-seter im zayn pniша.*

На округе Москвы в тишине избушка с окнами стояла, принадлежавшая жительнице Матрене Марковне, той старушке дней преклонных, девственницей бывшей все еще. Она сочтала браком неплохо в качестве свахи столичной. Предположим, есть женщина-купчиха сдобная, состарился муж которой. Ей Марковна быстро устраивает секретно с ебарем встречу.

אחת, במלה ומיזעת
רוצה להתנחם בזון.
עזרה ממריונה מוגישה,
ומזינים את האשה!
Иная, в праздности тоскуя,
Захочет для забавы хуя,
Матрена снова тут как тут,
Глядишь – красотку уж ебут!

גברים שכרו את שרותיה:
אם מענין להעסיק
גורמה פזן הרותח,
ממריונה בתולה פשיג.
Мужчины с ней входили в сделку,
Иной захочет гастроном
Свой хуй полакомить, и целку
К нему ведет Матрена в дом.

לשדכנית הנהדרת
בערב מעזן אחר
האלמנה שלחה ברפרת
ותה הכינה במיוחד.
И вот за этой, всему свету
Известной сводней вечерком
Вдова отправила карету
И ждет Матрену за чайком.

Эхát, бтелá у-меюзáат, роцá леитнахém бе-зáин. Эзрá Матрéна магишá, у-мезайни́м эт а-ишá! Гварíм сахру́ эт шерутéа: им меуны́н леаси́к гурмé та-зáин а-ротéах, Матрéна бетулá таси́г. Ла-шагханíт а-неэдéрет бе-э́рев меуна́н эхáг а-алманá шалхá киркéрет ве-тэ́ эхíна бимьюхáг.

Одна, праздная и измотанная, хочет утешиться хуем. Помощь Матрена оказывает, и ебут женщину! Мужчины арендовали услуги ее: если заинтересован занять гурман хуй кипящий, Матрена девственницу разбудет. К свахе чудесной вечером облачным одним вдова послала карету и чай приготовила специально.

הַשְׂדֵּחַנִּית הַגֵּיעָה עָדַי Вошедши, сводня помолилась,
הַאִיקוֹנִין וְהִצְמִלָּהּ, На образ истово крестясь,
לְבַעֲלַת הַבַּיִת קָנָה Хозяйке чинно поклонилась
וְכֵן אָמְרָה הִיא, יְשׁוּבָה: И так промолвила, садясь:

”לָמָּה אוֹתִי אַתָּה מְבַקֶּשֶׁת, «Зачем позвала, дорогая?
הֲאִם הַפַּעַם צָרְךָ יֵשׁ בִּי? Али во мне нужда какая?
אִם אֲמַשְׁכֵּן אֶת נַשְׁמָתִי, Изволь — хоть душу заложу,
וְלָךְ אֲמַצֵּא הַקֶּהֶר מִתְּאִים. Но на тебя я угожу.

חֲתַנְצִיק שָׁל מִמּוֹשׁ רוֹצֵה אֶת Коль хочешь, женишка спроворю.
אוֹ שֶׁהַכּוֹס סָתֵם מִגְּדָר? Аль просто чешется манда?
אֲנִי אֶסְכֵּים בְּכֹל מִקְרָה И в этом разе завсегда
לְהַעֲנִיק מְזוֹר לְצַעַר. Готова пособить я горю!

*A-shadchanit ugia agei a-ikonin ve-utalva, le-vaalit a-bait
kada ve-xo amra u, yeshuva: «Le-ma otí at mevakeshet, a-im a-
niam uverex yesh bi? Af amashken et nishmatí ve-lax emá esder
matím. Chatnchik shel mamash rova at, o shea-kus stam
megared? Aní askim be-xol mikre leanit mazor la-ubar.*

Сваха прибыла к иконам и перекрестилась, хозяйке дома поклонилась и так сказала она, усевшаяся: «Почто меня ты ищешь, в этот раз нужда есть ли во мне? Даже заложу душу мою и тебе найду урегулирование подходящее. Женишка настоящего хочешь ты или пизда просто чешется? Я соглашусь в любом случае предоставить лекарство горю.

בְּלִי זְיוּנִים לְקַמֵּל תַּתְּחִילִי Без ебли, милая, зачахнешь,
 וְהַחַיִּים יִתְּבַעְרוּ, И жизнь вся станет не мила,
 אֲךָ מִזְבֵּן לָךְ וְעַרְוֹךָ Но для тебя я припасла
 זֵיזָן בְּנֶה, שְׂתִשְׁתְּאֵי לָךְ! Такого ебаря, что ахнешь!»

”חַיִּי לָךְ, מִרְקוֹבְנָה, בְּאִשֶּׁר. «Спасибо, Марковна, на слове,
 עַל אִף שֶׁהֵנָּן בְּכִשֶּׁר, Хотя ебарь твой и наготове,
 אֹתִי נִבְאִי לֹא יִפְתָּהּ הוּא, Но мне навряд ли он придется,
 עַל אִף שֶׁלֹּזֵן יִדְעַע. Хотя и хорошо ебется.

אֲנִי נֹזְקֶת לְזֵזֵן-מֶרֶף, Мне нужен крепкий хуї, здоровый,
 אֲרָכּוֹ בְּה”א מִפְּחִים, יוֹתֵר אִף. Не меньше десятивершковый,
 אֵל לִי בְּתוֹךְ כְּלֵי שְׁהוֹת Не дам я каждому хую
 לְתֵת לְזֵזֵן כְּלִשְׁהוֹ! Посуду пакостить свою!»

*Бли зиюнім ликмоль татхіли, ве-ахайім иткаару, ах мезуман
 лаж ве-арух зайн казе, шетистай лаж!» «Хай лаж, Марковна, бе-
 ошер. Аль аф шеа-зайн бе-хошер, оти вагаї ло йефате у, аль аф
 ше-лезаїн йодеа. Ани низкекет ле-зен-тереф, орко ке-эй тфахїм,
 йотер аф. Аль ли бе-тох келай шеут латет ле-зайн коль-ше-у.*

Без ебли вянуть начнешь, и жизнь уродливой станет, но назначен тебе и приготовлен ебарь такой, что будешь поражена!» «Живи себе, Марковна, в счастье. Несмотря на то, что ебарь в [расцвете] сил, меня, конечно же, не соблазнит он, несмотря на то, что ебать умеет. Я нуждаюсь в хуе хищном, длиною в пять ладоней. Нельзя мне в посуде своей пребывание давать хую какому-либо!»

מַטְרֵינָה אִז מִפֶּק הַרִיחָה,
 תִּנְךָ אֲנִיחָה קוֹלָה הַנְּמוּיָה,
 לְדַקָּתַיִם נְאֻלָּמָה
 וְכֵן הַפְּטִירָה לְעֻלָּמָה:
 Матрена табаку нюхнула,
 О чем-то тяжело вздохнула,
 И помолчал минуты две,
 На это молвила вдове:

קָשָׁה, קָשָׁה, בְּתֵי נְחֻמָּה,
 לָךְ פִּין מַעֲזֵן יְהִי לְהַכִּין.
 מִה"א מְפָחִים הַפְּחִיתִי בְּמָה
 אֲמַצָּא שָׁל אַרְבַּעַה מְפָחִים!
 «Трудненько, милая, трудненько,
 Такую отыскать елду,
 Ты с десяти-то сбавь маленько,
 Вершков на восемь так найду!»

יֵשׁ לִי בְּמֵלֵאִי, נְזַפְרָתִי, וְאֻלָּלָה,
 בְּחֹזֶר אֶחָד. אֲנִי מוֹדָה:
 אִין בְּעוֹלָם בְּלוֹ מְלָבֵד לוֹ
 פִּין שְׂבֻזָּה לְבִגֵי תְמוֹתָה.
 Есть у меня тут на примете
 Один парнишка, ей-же-ей,
 Не отыскать на белом свете
 Такого хуя у людей.

*Matréna az tabák эрйха, тох анахá колá инмйха, ле-дакатáим
 неэлмá ве-хáх ифтйра ла-алмá: «Кашé, кашé, битй нухáма, лэх
 пин ме-эйн зе леахйн. Ме-эй тфэхйм афхйти кáма, эмцá шель
 арбáй тфэхйм! Йеш ли ба-млáй, низкáрти, вáлла, бахýр эхáд. Анй
 модá: эйн ба-олáм кулó мильвáд ло пин ше-казé ли-внэй тмутá.*

Матрена тогда табак понюхала, во время вдоха голос свой понизила, на две минуты онемела и так сказала девице: «Тяжко, тяжело, дочь моя милая, тебе писюн вроде этого приготовить. С пяти ладоней снизь несколько, найду четырехладонный! Есть у меня в инвентаре, я вспомнила, оба-на, парень один. Я признаюсь: нет во всем мире, кроме него, писюна такого у смертных.

בַּחֲמַאי הָעֵינַן נָחָה Сама я, грешница, узрела
 שְׁלֵשׁוּם עַל זָרַג הַבְּרִנָּשׁ Намедни хуй у паренька,
 כְּשִׁרְאִיתוֹ, נִתְקַפְתִּי פֶּחַד: Как увидала – обомлела,
 צְגוֹר כְּבוֹי הוּא שֶׁל מִמּוּשׁ! Как есть пожарная кишка!

אֲרֹךְ יוֹתֵר הוּא מִשְׁלֵ פֶּרֶד. У жеребца и то короче.
 נִתֵּן מִלְּבַד הַהֶרְבֵּעָה Ему бы ей не баб ебать,
 אִף לְגֶרֶשׁ חֲלֹדָה סוֹרֶרֶת А той елдой восьмивершковой
 בְּפִי – מְפָחִים בּוֹ אַרְבָּעָה. По закоулкам крыс гонять.

הוּא אִישׁ בְּרִיא, שׁוֹפֵעַ לְהַמ, Сам парень видный и дородный,
 יִתְאִים לָךְ, בְּבִלְה, נוֹרָא. Тебе, красавица, подстать,
 בֵּן לְמוֹשֶׁפֶתַח אֶצְלָה הוּא, И по фамильи благородный,
 לוֹקָה בְּיִצְחָכִי שְׂמוֹ נִקְרָא. Лука его Мудищев звать.

Ба-хатаай а-аин наха этмоль аль зерег а-барнаш. Кше-реитив, ниткафти нахаг: цинор кибуй у шель мамаш! Арбх йотер у мишель перед. Нитан, мильвад а-арбаа, аф легареш хульда соререт ба-нин – тфахум бо арбаа. У иш бару, шоффеа лат, ят'им лех, бубале, нора. Бен ле-мишпахат ацула у, Лука Бейцович шмо никра.

[Пребывая] в грехах своих, глаз [мой] упокоился вчера на члене этого мужика. Когда увидела я его, была атакована страхом: шланг для тушения он настоящий! Длиннее он, чем у мула. Можно, кроме спаривания, даже прогнать крысу строптивную этим писюном – ладоней в нем четыре. Он человек здоровый, пышащий азартом, подойдет тебе, куколка, ужасно. Сын семьи аристократической он, Лука Мудищев имя ему наречено.

לְצַעֲרִי, לֹקֵה הָיָה הוּא
 לְלֹא בְּגָדִים יוֹשֵׁב עִתָּה.
 מִשָּׁבֵן הַפֶּל בְּבֵית מְרוֹחַ,
 בְּתַחְתּוֹנִים בְּלִבָּד גּוֹחַר.
 Но вот беда, теперь Лукашка
 Сидит без брюк и без сапог.
 Все пропил в кабаке, бедняжка,
 Как есть до самых до порток».

הַאֲלֻמְנָה הַמְּשַׁעֲשַׁעַת
 לְשִׁדְכָנִית כְּרָתָה אֲזוּנָה,
 לְחֻזוֹת זִיוֹן מְתוֹק בְּקִשָּׁה לָהּ
 וּפְיָן אֲרֹךְ בְּבָר הַמְּיָנָה.
 Вдова восторженно внимала
 Рассказу сводни о Луке
 И сладость ебли предвкушала
 В мечтах о длинном едаке.

מִבְּלִי לְהִתְאַפֵּק, נִדְהַמָּת,
 אֵלַי מִמְּרִיזֵנָה הַתְּקַרְבָּה
 וְרֹךְ בְּדִי קְרִיאָה נִפְעָמָת
 חִבְּקָה אוֹתָהּ בְּאַהֲבָה:
 Не в силах побороть волненья,
 Она к Матрене подошла
 И со слезами умиленья
 Ее в объятия взяла:

*Le-yaarí, Luká a-zé u le-ló bğadı́m ýoşév atá. Mişkéñ a-kól be-
 véít marzéax, be-taxtoním bilyváđ notár». A-almáná a-
 mşuşıáat la-şadħanı́t kartá ozná, laħvót ziyón matók bıķıřá
 la u-şúín aróħ kvar dımyená. Mi-blı́ leıt'apék, niđ'şmet, zléıy
 Matréná utkarvá ve-tóħ keđéıy kriyá nişf'şmet ħıķká otá be-
 aħavá:*

К сожалению моему, Лука этот без одежды сидит сейчас. Заложил все в кабаке, в трусах только остался. Вдова развеселившаяся к свахе ухо повернула, испытать еблю сладкую хотела себе и писюн длинный уже представляла. Без того, чтобы сдержаться, поражена, к Матрене приблизилась и во время зова потрясенного обняла ее с любовью:

"מַטְרֵינָה, מֵימִים יְמִימָה
 הָיִית לִי שְׂדֵכְנִית וְאַמָּא.
 אֶת מֵר בֵּיצוֹבִיץ אֶתְרִי נָא
 וְחִישׁ הַבִּיאִי בְרָנָה.

«Матрена, сваха дорогая,
 Будь для меня ты мать родная!
 Луку Мудищева найди
 И поскорее приведи.

מִמֶּנּוּ אֶתְנֶן לָךְ מְלֹא הַחֶפֶן,
 עַל־ךְ אֶת הַדִּיל לְדַחֵף הֵן.
 בְּהוֹד הַלְבִישִׁי אֶת לֹדְקָה,
 מִחֵר הָיִי בְנִחַד בָּאֵן.

Дам денег, сколько ты захочешь,
 А ты сама уж похлопочешь,
 Одень приличнее Луку
 И будь с ним завтра к вечерку».

שְׁלוֹשָׁה שְׂמֵרוֹת מְרַהֲבֵי צָבֵעַ
 הָאֶלְמָנָה נִדְבָה בְּפִיָּה,
 הוֹרְתָה אֶצְלוֹ לְהַתְנַיֵּב הִיא
 בְּבוֹקֵר, בְּלִי לְהִתְעַבֵּב.

Четыре радужных бумажки
 Дала вдова ей ко всему,
 И попросила без отяжки
 Уж по утру сходить к нему.

Матрѐна, ми-ямім яміма айт ли шадханіт ве-іма. Эт мар Бейцович атрі на ве-хіш авіи бе-ринá. Мамбн этѐн лэх мло а-хóфен, алаіх эт а-гúль лідхóф эн. Бе-óд альбііши эт-Лукá, махáр эйú бе-йáхад кан». Шлошá штáрот мар'ивейú цѐва а-альманá нидвá бе-кѐф, ортá эцлó леит'яцѐв и ба-бóкер бли леит'акѐв.

Матрена, с [давних] дней была ты мне свахой и матерью. Господина Бейцовича разыщи, пожалуйста, и наскоро приведи с ликованием. Денег дам тебе полную горсть, должна ты эту сделку проталкивать ведь. Великолепно одень Луку, завтра будьте здесь». Три купюры, захватывающие дыхание цветом, вдова пожертвовала по кайфу, приказала у него быть она завтра утром, не задерживаясь.

III

איש התגורר מול בית מרוח בחדר קר ומזוהר, רעב, מסטול לנצח. זהו לוקה – נזבל, מלשין, גנב.	В ужасно грязной и холодной Каморке, возле кабака, Жил вечно пьяный и голодный Вор, шпик и выжига – Лука.
ובנדוף לחיי דחק לוקה סבל מעוד סיומ, קרי: מהבלבול הארך זה, בו ארבעה מפרחים היו.	Впридачу бедности отменной Лука имел еще беду, Величины неимоверной Восьмивершковую елду.
בין צעירה, בין מבוגרת, בין פוסית, בין זונה נמהרת בראות את זה התענוג בלן לתת לו מאנו.	Ни молодая, ни старуха, Ни блядь, ни девка-потаскуха, Узрев такую благодать Ему не соглашались дать.

Иш итгорер муль бейт марзёах бе-хедер кар у-метунáф, раэв, мастуль ла-нецах. Зёу Лука – похель, мальши́н, гана́в. Уве-носáф ле-хаéй до́хак Лука савáль ме-бóг си́бт, кре: меа-бу́льбуль а-арóх ко, бо арбаá тфáхíм айú. Бейн цеира́, бейн мевугéрет, бейн ку́сит, бейн зона́ ним'эрет бир'от эт зе а-таану́г кула́н латéт ло меану́.

Человек проживал напротив кабака в комнате холодной и загаженной, голодный, обдолбанный вечно. Это Лука – мошенник, доносчик, вор. И в дополнение к жизни тягостной Лука страдал еще от одного кошмара, то бишь, от пиписьки длинной такой, в которой четыре ладони было. Что молодая, что взрослая, что телка, что проститутка скорая, видя такую усладу, все давать ему отказывались.

תתבכחו או תאמינו,
 אבל שמועות היו עוברות
 על כך שבגזרת הפין הוא
 זין לפנות שתי גבירות.
 Хотите нет, хотите верьте,
 Но про Луку пронесся слух
 Что он елдой своей до смерти
 Заеб каких-то барынь двух!

מאז, בלי אהבה עבדו,
 לבר לוקה ביעוביז' גר,
 את יגונו מהל בזון,
 קולל את אהך האיבר.
 И с той поры, любви не зная,
 Он одинок на свете жил
 И хуй свой длинный проклиная,
 Тоску-печаль в вине топил.

הרשו לי, חברה, במקום אך
 לסמות הצדה לדקה,
 כדי לתאר לכם לעמק,
 את משפחתו של לוקה.
 Позвольте сделать отступление
 Назад мне, с этой же строки,
 Чтоб дать вам вкратце представленье
 О роде-племени Луки.

*Титкашув о таамину, аваль шмуот айу оворот аль ках, ше-
 беззрат а-нин у зиен ла-мавет штей гвирот. Ме-аз, бли аавá
 агаин, левад Лука Бейцобич гар, эт йегоно мааль бе-яин, килель
 эт брех а-эйвар. Аршув ли, хевре, ба-маком ах листот ацида ле-
 дака, кгей летаэр лахем ла-омек эт мишпато шеле-Лука.*

Опровергайте или верьте, но слухи ходили про то, что при помощи
 псьюна он выеб до смерти двух матрон. С той поры, без любви все еще,
 одиноким Лука Мудищев жил, горе свое разбавлял в вине, проклинал
 длину члена. Позвольте мне, кореша, в этом месте отойти в сторону на
 минуту, чтобы описать вам вглубь семью Луки.

ביצוביץ' – משפחה אנטיקה.
 אבות לוקה ביש המזל,
 עליהם פון בכיר העיק כה,
 חלשו על כפר ואחזה.
 Весь род Мудищевых был древний,
 И предки бедного Луки
 Имели вотчины, деревни
 И пребольшие елдаки.

ביצוביץ', שפורפיר קראו לו,
 הצחיק את איזאן האים,
 כשבאמצעות השטרונגול
 הוא משקולות הרים כל יום.
 Мудищев, именов Порфирий,
 Еще при Грозном службу нес
 И, поднимая хуем гири,
 Порой смешил царя до слез.

האיש, בלי להתמהמה,
 בצע את פקדת המלך:
 שני משרתים בושלים הרג
 הוא בהגף הבלבול רק.
 Покорный Грозного веленью,
 Своей елдой, без затрудненья,
 Он раз убил с размаху двух
 В вину понавших царских слуг.

Бейцובич – мишпахא אנטיקא. אבות לוקא ביש א-מזאל, אלéэм נין кабір Эйк ко, халшў аль кфáр ва-ахузá. Бейцובич, ше-Порфíр кар'ў ло, ицхíк эт Ивáн а-айóм, кеше-беэмцаўт а-штрúнгуль у мишколóт эрíм коль íбм. А-íш, бли леитмаамéа, бицéа эт пкудáт а-мéлех: шней мешартíм кошлíм араг у бе-энéф а-бў.לבבול רáк.

Мудищев – семья древняя. Праотцы Луки несчастного, которым писюн доставлял мучения такие, владели деревней и именьем. Мудищев, которого Порфирий звали, смешил Ивана Грозного, когда при помощи пьськи он гири поднимал каждый день. Этот человек, не задерживаясь, выполнил приказ царя: двух слуг неудачных убил он взмахом пипськи только [лишь].

בַּיְצוּבִיץ' הָאַחֵר, שְׁמוֹ סָאָוָה,
 בּוֹ פֶּטֶר הִרְאִישׁוֹן בְּמַח:
 בְּקָרֵב קָשָׁה לְיָד פּוֹלְטָבָה
 עִם זֶן הוּא נִקֵּה תוֹתָה.

Другой Мудищев звался Саввой,
 Петрово дело защищал,
 И в славной битве под Полтавой
 Он хуем пушки прочищал.

גַּם הַמְלָכָה יְקַמְרִינָה
 קָרְבָה מְאוֹד בְּשָׁל הַפִּינ הַיָּא
 אֶת לֵב בַּיְצוּבִיץ' הַדָּבָם
 וְגֵנְרָל-אַנְשֵׁף דָּאָז.

При матушке Екатерине,
 Благодаря своей хуине,
 В фаворе был Мудищев Лев,
 Как граф и генерал-аншеф.

אֵךְ סָבָא שָׁל לוֹקָה, לְהַפֵּךְ,
 אֶת אוֹצְרוֹתָיו בְּזָבּוּ עַד תָּם,
 לְכֹן לוֹקָה שְׁלֵנוּ, נַעֲבָדָךְ,
 נִשְׂאָר עָנִי מִיְּנֻקוֹתָיו.

Свои именья, капиталы,
 Спустил уже Лукашкин дед
 И наш Лукашка, бедный малый,
 Остался нищим с малых лет.

Бейцובич а-ахёр, шмо Савва, бо Пётр а-ришон батáх: би-крáв кашé лея́д Полта́ва им за́ин у никá тотáх. Гам а-малкá Ека́терина кервá лебóд бе-ше́ль а-пíи и эт Лев Бейцобич а-дукáс ве-ге́нерáл-анше́ф де-áз. Ах са́ба шель Лука́, ле́эфех, эт оу́ротáв бизбéз ад то́м, лахéи Лука́ шелáну, нéбех, ниш'áр ани́ мянкуто́.

Мудищев другой, имя его – Савва, на него Петр Первый полагался: в бою тяжелом возле Полтавы хуем он чистил пушку. Также царица Екатерина приблизила очень ввиду писюна она Льва Мудищева, герцога и генерал-аншефа того времени. Но дед Луки наоборот сокровища свои растратил до окончания, поэтому Лука наш несчастный остался беден с младенчества.

הַזְעִיף פָּנִים לוֹ הַפְּזֵל. הֵן	Судьбою не был он балуем,
עָלִיו אֶרְצָה לְהַתְאֵבֵל:	И про него сказал бы я:
יַד הַגּוֹרָל סִפְקָה לוֹ זֶן,	Судьба его снабдила хуем,
וּפְרָט לוֹ – זֶן הוּא קָבֵל.	Не дав в придачу ни хуя!

*Из'уф пани́м ло а-маза́ль. Эи ала́в эрце́ леит'абéль: яд а-горáль
сипка́ ло за́ин, у-фра́т ло – за́ин у кибéль.*

Гневный лик [обратила] к нему судьба. Соответственно, по нему хочу траур справлять: перст судьбы снабдил его хуем, и, кроме этого, хуй он получил.

IV

חָלַף עוֹד יוֹם, הַגֵּיעַ עָרֵב,
וְלֹא־רַחַם הַסּוֹחֵרֶת
בְּקֶצֶר רוּחַ מִמְתִּינָה,
הַזְמַן עוֹבֵר לְאִט אֲמָנָם.
Настал уж вечер дня другого.
Купчиха гостя дорогого
В гостинной с нетерпением ждет,
А время медленно идет.

בְּעוֹד הַחֲשֵׁכָה הַחֲלָה,
בְּמַי וְרִדִים הִיא הַתְּקַלְחָה
וּבְרֵי שְׂבָלוֹם לֹא יֵאָנֶה לָּהּ,
בְּאֲרָם אֵת הַפּוֹם מְשַׁחָה.
Пред вечерком она помылась
В пахучей розовой воде
И, чтобы худа не случилось,
Помадой смазала в пизде.

מִפְּנֵי זְרָגִים גְּדוֹלִים לֹא חִשָּׂה
מוֹרָא אוֹ פַחַד, כָּל שְׂפִינָן,
אֲבָל אַחַד כְּמוֹ שֶׁל לוֹקֶשֶׁה
עַל־וֹל תִּרְחָם לְסַפֵּן.
Хотя ей хуй большой не страшен,
Но, тем не менее, ввиду
Такого хуя, как Лукашин,
Она боялась за пизду.

Халáф од йом, игiа эрев, вела-орéах а-сохéрет бе-кóцпер руáа мамтинiа. А-змáн овéр леáт омiа́м. Бебóг а-хашехá эхéла, бе-мéй врадíм и иткалхá у-хдéй ше-клýм ло йеунé ла, бе-бóдем эт а-кýс машхá. Миннéй зрагíм гдóлим ло хáша морá о-пáхад, коль ше-кéн, авáль эхáд кмо шель Лукáша алу́ль та-рэхем лесакéн.

Прошел еще день, наступил вечер, и гостя купчиха с нетерпением ожидает. Время идет медленно, однако. С темноты началом в воде розовой она помылась, и чтобы ничего с ней не стряслось, помадой пизду смазала. Перед членами большими не испытывала она страха или боязни, тем более, но такой [член], как Лукашин, может матке представлять опасность.

הַדְּהַר צִלְצוּל, וְהַאוֹרֵחַ
הַגֵּיעַ אֶל הָאֵלְמָנָה.
הַבִּיטָה בְּעֵינָיו – בֶּן רֵגַע
הַחֵל רוֹעַד בְּגִדְגָּנָה.

Но чу! Звонок! Она вздрогнула,
И гость явился ко вдове.
Она в глаза ему взглянула,
И дрожь почудилась в манде.

מוֹלָה הַשְׂתַּחֲוָה אַפִּים
אִישׁ מְהֵשֵׁן, שׁוֹפֵעַ חֵן.
בָּבֶם שְׂהֶצְמַרְד מִיָּוֵן,
"לוֹקָה בִּיצוּבִיז" הוּא הַמָּהֶם.

Пред ней стоял, склонившись фасом,
Дородный, видный господин.
Он прохрипел пропитым басом:
«Лука Мудищев, дворянин».

מְרֵאָה צְעִיר, שְׂעַר אָסוּף לוֹ,
לְהַתְנַלֵּחַ הוּא הַמֵּיב,
הוּא לֹא הֵיחָ מִכְּמֹשׁ בְּסוּמֹל,
אֶךְ רֵיחַ אֶלְפוֹהוּל הַדִּיף.

Вид он имел молодцеватый,
Причесан, тщательно побрит,
И не сказал бы я, ребята,
Что пьян, а все-таки разит.

*Иг'эг цильцу'ль, веа-орéах иг'иá эль а-алманá. Иб'ита бе-эйна́в –
бин рéга эхéль ро́эг дагдэгана́. Му'ла иштахава́ апáим иш
медушáн, шофéа хен. Бе-бáс ше-ицтарéг ми-йáн, «Лука́ Бейцóвич»
у им'эм. Мар'э ца'ир, сéар асу'ф ло, леитгáлéах у эт'и́в. У ло ай'я
мамáш бе-су'ту'ль, ах рéах áлкооль иг'и́ф.*

Прозвучал эхом звонок, и гость прибыл ко вдове. Взглянула она в глаза его – в [тот же] момент стал дрожать клитор ее. Напротив нее поклонился человек дородный, исторгающий [в избытке] приятность. Басом, охрипшим от вина, «Лука Мудищев» он пробормотал. Вид молодой, волосы собранные у него, побрился он хорошо. Он не был совсем под балдой, но запах алкоголя издавал.

בְּפִיָּה נְחֻמָּד! רַבִּים הוֹקִירוּ
אֶת זֶה שְׁלֹךְ... – הַאֲלֻמָּנָה
נְבוֹכָה קָצַת בְּשֶׁהֶפְמִירָה
אֶת הַמִּלָּה הָאַחֲרוֹנָה.

«Ах, очень мило!.. Я так много
О вашем слышала...» – вдова
Как бы смутилась немного,
Сказав последние слова.

אֲבֵן, לְאוֹת וּלְמוֹצֵת הוּא,
הִנֵּה שְׁלִי!.. מֵאִיֶּךָ, אֶת
בְּמָקוֹם לְכַנֵּךְ עַל הַפְּמִטָּת,
מוֹטֵב שְׁתוֹדֵאֵי לְבָר.”

«Да-с, это точно-с; похвалиться
Могу моим!.. Но впрочем вам
Самим бы лучше убедиться,
Чем верить слухам и словам!»

הֵם הִתְנִישְׁבוּ, בְּמוֹן קְבוּעַ
הַמְּשִׁיבֵי לְנֶהֱלֵ דִיוֹן,
אֶךְ עַל דְּבַר אֶחָד חֲשָׁבוּ הֵם:
אִיךְ לְהִתְחִיל אֶת הַדִּיוֹן.

И, продолжая в том же смысле,
Уселись рядышком болтать,
Но лишь одно имели в мысли:
Как бы скорей ебню начать.

«Кама нехмáд! Раbím окíру эт зе шельхá..» – а-альманá навóха куат, кеше-ифтúра эт а-миlá а-ахронá. «Ахéн, ле-óт уле-мофéт у, а-зé шелí!.. Ме-úдах, ат бимкóм лисмóх аль а-патнéтет, мутáв ше-тевад'ú левáд». Эм ит'яшвú, бе-тóн кавúа имшúху ленаéль диóн, ах аль давáр эхáд хашвú эм: эйх леатхíль эт а-зиóн.

«Сколько мило! Многие выражали почтение этому вашему...» – вдова смутилась немного, когда произнесла слово последнее. «О да, знамением и примером [служит] он, этот мой... С другой стороны, вы вместо того, чтобы полагаться на болтовню, лучше убедитесь сами». Они уселись, тоном постоянным продолжили вести беседу, но про вещь одну думали они: как начать ебню.

בְּלִי לְשִׁבְשֵׁי שִׁיחָה בּוֹעֲרֶת, Чтоб не мешать беседе томной,
 מִצָּאָה מִמְרִינֵיהָ לָהּ פֶּנֶה, Нашла Матрена уголок,
 בַּהּ הִתְיַשְׁבָּה בְּשִׁקְמָה, וְגָרַב Уселась в нем тихонько, скромно
 לְסוּגָה הִתְחִילָה בְּצַנְעָה. И принялась вязать чулок.

בְּשִׁחְשָׁה יְסוּרֵי מִנְמָלוֹם, Так близко находясь с Лукою,
 וּבְצִלָּהּ לִדְקָה חֶסֶה, Не в силах снести Тантала мук,
 אֶלְמֵנָתֶנּוּ אֶת יָדָהּ אָז Полезла вдовушка рукою
 שְׁלֶחָה לְעֶבֶר מִכְּנָסָיו. В карман его суконных брюк.

בְּשִׂאֵת יָדָהּ הִיא הֶעֱבִירָה, И от ее прикосновенья
 הִנֵּן שָׁל לִדְקָה הַקּוֹיִן, Хуй у Луки воспрянул вмиг,
 כְּבוֹר, גּוֹרָא, אִים. הַנְּבוֹר הוּא Как храбрый воин пред сраженьем,
 תָּחִל לְמוֹד קְרָבוֹת אֶמְוִיִן. Могуч, и грозен, и велик.

Бли лешабéш сихá боóрет, мацá Матрэна ла пинá, ба ит'яшвá бе-шекет. Гéрев лисрбг итхíла бе-цин'á. Кше-хáша исурéй Тантáлос, уве-цилá Лукá хасá, альменатéну эт ядá аз шалхá ле-звер михнасбв. Кше-эт ядá и ээвiра, а-зáин шель Лúка экиц, кабiр, норá, айбм. Изкiр у хаяль лемyг кравбт амиц.

Без того, [чтобы] помешать беседе пылающей, нашла Матрена себе угол, в нем уселась в тишине. Чулок вязать начала приватно. Ощувив муки Тантала (а в тени ее Лука пребывает), вдова наша руку свою тогда послала по направлению к брюкам его. Когда руку свою она перенесла, хуй Луки проснулся, большой, грозный, ужасный. Напомнил он солдата, наученного боями [и] храброго.

בְּמִשׁוֹשׁ הַזָּרָג הַסּוֹחֶרֶת	Нашупавши елдак, купчиха
הַתְּלַהֲבָה. לְלֹא הַפּוֹם	Мгновенно вспыхнула огнем
הַחֲבוּפָהּ. בְּרִנָּה, הָרֵשׁ	И прошептала нежно, тихо,
”לֹדְקָה, הַפְּטִירָה, ”בּוֹא נָוִו”.	Склоняясь к нему: «Лука, пойдем!»

כָּלָה רוֹעֵדֶת וְגוֹנֶמֶת	И вот вдова вдвоем с Лукою.
אֶלְמִנְתָּנוּ עִם לֹדְקָה.	Она и млеет, и дрожит,
הַדָּם שֶׁלָּהּ סוֹעֵר כְּמוֹ נַחַל,	И кровь ее бурлит рекою,
אוֹתָוֶת בָּהּ אִשׁ הַתְּשׁוּקָה.	И страсть огнем ее палит.

זֹרְקָה אֶת הַשְּׂמֹלָה, בְּלֶחֶם	Снимает башмачки и платье,
קָרְעָה תְּחִזָּה שְׂלָהּ,	Рвет в нетерпенье пышный лиф,
אֶת שְׁנֵי הַצִּיצִים עֲרִמְלָה,	И, обе сиськи заголив,
לְקִרְאָת לֹדְקָה חֲבוּק שׁוֹלְחָת.	Зовет Луку в свои объятия.

Би-мишׁוֹשׁ א-זֶרֶג, א-סוֹחֶרֶת וּמֵאָבָא. לֵע-לוֹ יֵשׁוּעַ וּמְכֹפֶפֶת לֵע-פֶּתָא, חֶרֶשׁ «Лука, – וּפְטִירָא, – בּוֹ נִזְוֵז». קוּלָא רוֹזֵדֶת וֵע-גוֹנָחַת אֵלְמֵנֶתֵנוּ וּמ לֹדְקָא. א-דַּמ שֶׁלָּא סוֹעֵר כְּמוֹ נַחַל, סוֹעֵדַת בַּ אִשׁ א-תְּשׁוּקָא. זַרְקָא אֶת א-סִימְלָא, בֵּע-לֵאֵת קַרְיָ תַּחֲזִיף שֶׁלָּא, אֶת שְׁנֵי א-צִיצִים וּרְטֵלָא, לִקְרִיאַת לֹדְקָא חֲבוּק שׁוֹלְחָת.

Нашупав член, купчиха раззадорилась. Без промедления нагнулась внезапно, тихо промолвила: «Лука, давай двигаться». Вся дрожит и стонет вдова наша с Лукой. Кровь ее бурлит, как ручей, охватывает ее огонь страсти. Сбросила она платье, с азартом порвала лифчик свой, две сиськи заголила, по направлению к Луке объятие посылает.

בַּיְצוּבוֹיִץ' הַתְּחַרְמֵן מֵהֵר. אֶת
 הַיֵּץ רָבָא הָעֵמִיד,
 מְשַׁל אֱלֹה פֶה רַצְחֵינִית,
 וְהִסְתַּעַר עַל הַפּוּחִיחַ.

Мудишев тоже разъярился.
 Тряся огромною елкой,
 Как смертоносной булавой,
 Он на купчиху устремился.

אוֹתָהּ תִּפְסֵם הוּא לְאַרְבָּה,
 עַל הַמְּפֹזָה הַשְּׁלִיךְ לְפִתְעָה,
 אֶת הַחֲלָצָה שֶׁלָּהּ קָמַט הוּא
 וּבֵין רַגְלֶיהָ פִּין תִּמְקַע.

Ее схватил он поперек,
 И, бросив на кровать с размаху,
 Заверотил он ей рубаху
 И хуй всадил ей промеж ног.

אֵךְ בְּעֵינָה לְהִנֵּעַ צָצָה:
 כְּאִלּוּ שְׁיִצּוּל נִנְעֵץ בָּהּ,
 הַבְּחוּרָה הַמְּעֵנָה
 אֶל הַקְּדוּשִׁים הַתְּחַנּוּנָה.

Но тут игра плохая вышла:
 Как будто ей всадили дышло,
 Купчиха начала кричать
 И всех святых на помощь звать.

Бейцубович итхармэн маэр. Эт а-зайн раба ээмид, машаль ала ко рацханит, ве-истаэр аль а-сохэрет. Ота тафас у ле-орка, аль а-мита ишлих ле-фета, эт а-хульца шела кимет у у-вейн раглеа нин така. Ах бейя ле-рега цаца: ке-илу ше-яцуль нин'ац ба, а-бахура а-меуна эль а-кдошим итханенá.

Мудишев возбудился быстро. Хуй великий поднял, как будто бы это булава убийственная, и бросился на купчиху. Ее схватил он на [всю] длину ее, на кровать бросил вдруг, рубашку ее смял и между ног ее пипиську воткнул. Но проблема во мгновение возникла: как будто бы дышло вставлено было в нее, девушка, испытывающая муки, к святым взмолилась.

צועקת היא – הוא לא שומע,
 קוליה הולך ומתחזק.
 לוקה רק מתנשף במרץ,
 אותה דופק, דופק, דופק!
 Она кричит – Лука не слышит,
 Она сильнее все орет,
 Лука, как мех кузнечный, дышит
 И все ебет, ебет, ебет!

השדכנית המכהלת
 הדלה לסרג גרביונים,
 הגיבה לצוחות האלה:
 "זיון זה, אפוא, קמלני!"
 Услышав крики эти, сваха
 Спустила петли у чулка
 И говорит, дрожа от страха:
 «Ну, знать, заеб ее Лука!»

מטריונה לחררון דוקרת,
 שם הפוכרת התפרקה,
 הכנים בתחת לה לוקה
 ולזן ממשיך תגברת
 Матрена в будуар вбегает,
 Купчиха выбилась из сил.
 Лука ей в жопу хуй всадил
 И еть бедняжку продолжает!

*Цоэкет ו, ו לו שומעא, כולא אלה ו-מיתחזק. לוקה רוק
 מיתנשף בע-מערע, אטא דופעק, דופעק, דופעק! א-שאדחאניט א-
 מוואזבלעט חאדלא ליערוב גארבייונימ, עגיבא לא-צוואכוט א-אלע: «זיובן
 זע, אָפו, קאטלאני!» מאטרענא לא-חאדרון דוֹרעט, שאמ א-סוּחֶרעט
 ויטפארקא, ויחניס בא-מאָחאט לא לוקא ו-לעזאען מאמיש'ח טא-גערעט*

Кричит она, он не слышит, голос ее звучит и усиливается. Лука только дышит энергично, ее трахает, трахает, трахает! Сваха напуганная прекратила вязать чулки, отреагировала на вопли эти: «Ебля сия таки убийственная!» Матрена в комнатку несется, там купчиха развалилась на части, вставил в зад ей Лука и ебать продолжает госпожу

הַמִּסְכְּנָה וְהַמְתַּשָּׁת.
 מְמַרְיוֹנָה בְּיָרְאָה וְנִקְה
 וְאֵת לֹקֵה בְּפִין וְאִשְׁךְ
 דִּקְרָה חֹזֵק בְּמִסְרָגָה.
 Матрена, в страхе за вдовицу,
 Спешит на выручку в беде
 И ну колоть вязальной спицей
 Луку то в жопу, то в муде.

לֹקֵה עָלֶיהָ קָם בְּזַעַם,
 עַל הַרְצָפָה אוֹתָהּ זָרֵק
 וּבְרֵאשָׁה הַלֵּם בְּזִין
 הָרֵב, בְּאֵלָיו בְּמוֹרָג.
 Лука воспрянул львом свирепым,
 Матрену на пол повалил
 И длинным хуем, словно цепом
 Ее по голове хватил.

אֵךְ הַפּוֹחֶרֶת רֵאשׁ הַפְּעִילָה,
 תְּחָה עוֹדֵנָה. בְּאִבְחָה
 תִּפְשָׁה וְאֵז תִּלְשָׁה כְּלִיל הַיָּא
 אֵת הַבְּיָצִים שֶׁלֹּקָה.
 Но тут купчиха изловчилась,
 (Она еще жива была)
 В муде Лукашкины вцепилась
 И их совсем оторвала.

*a-miskena ve-muteshet. Matrëna be-ur'a zinka ve-et Luká ba-nin
 ve-áshex dakrá hazák ba-masregá. Luká alea kam be-záam, al a-
 riçná ota zarák uve-roshá alám be-záin a-ráv, ke-úlu ba-morág. Ax
 a-soxéret rosh ufrí.ła, xay odéna. Be-ivhá tafsá ve-az talshá
 kalí.ľ u et a-beiçím she-le-Luká.*

несчастную и обессиленную. Матрена в страхе рванулась и Луку в член и яйцо уколола сильно спицей. Лука на нее поднялся в гневе, на пол ее бросил и по голове ее ударил хуем великим, как будто цепом. Но купчиха голову действовала, жива еще. Ударно схватила и затем оторвала совершенно она яйца Луки.

אולם את הזקנה חסם הוא, Но все же он унял старуху:
כמו זבוב הרג אותה פֶּזֶן Своей елдой убил, как муху,
בן רגע, בְּדַיִק מְדָהִים В одно мгновенье, наповал,
וּבְעֶצְמוֹ שָׁבַק חַיִּים! И сам безжизненный упал!

*Ула́м эт а-зкенá хасáм у, кмо зву́в ара́г отá ба-за́ин бин ре́га,
бе-диу́б мад'áм, уве-ацмó шавáк хай́м.*

Однако старуху заблокировал он, как муху, во мгновение, с точностью потрясающей, и сам испустил дух!

Эпилог

וּבְכֵן? לְתַדְהֶמֶת מוֹסְקָה	И что же? К ужасу Москвы
אֶתְרוּ שְׁלוֹשׁ גּוֹפּוֹת, שְׁמֵעָנוּ:	Наутро там нашли три трупа:
הַאֲלֻמָּה הָעֶקְבָה	Средь лужи крови труп вдовы,
מִדָּם, עַד הַפִּיבּוֹר הַמְנוּשׁ	С пиздой, разорванной до пуца,
נִקְרַע, הַשְׂדֵכְנִית – מְכָה,	Труп свахи, распростертый ниц,
וּבְלִי בִיָּצִים גּוֹפֵת לֹקָה.	И труп Лукаши без яиц.

*Uvchén? Le-tag'émát Moskvá utru' shalósh gufbót, shamánu: a-
almaná a-akubá mi-gám, ad a-tabúr a-mánuh nikrá. A-shadchanít -
muká, u-vli beyúim gufát Luká.*

Итак? К удивлению Москвы найдены были три трупа, слышали мы: вдова, умытая кровью, до пуца киска разорвана, сваха – избитая, и без яиц труп Луки.